

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
3-14

3-14

Загоскин, Михаил Николаевич.

Юрий Милославский, или Русские в 1612 году / Михаил Загоскин. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Легендарные компьютерные игры. Истории).

ISBN 978-5-04-197223-3

Настоящий бестселлер исторической прозы XIX века возвращается в новом оформлении! Узнайте историю, написанную выдающимся русским прозаиком и драматургом Михаилом Николаевичем Загоскиным, которая вдохновила создателей игры «Смута»! Окунитесь в «Смутное время» — в освободительную борьбу русского народа против иноземных захватчиков в начале XVII века. Вас ждут сражения и политические интриги, живые персонажи, а также примеры героизма, доблести и чести русских людей.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

© Загоскин М.Н., текст, 1829
© ООО «САЙБЕРИЯ НОВА»,
иллюстрация на обложке, 2024

© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197223-3

ОБ АВТОРЕ

Русский писатель и драматург Михаил Николаевич Заго-скин родился 14 (25) июля 1789 года в селе Рамзай Пензенской губернии (совр. Мокшанский р-н Пензенской обл.). Детство будущего писателя прошло в дворянской усадьбе. Он уже в одиннадцать лет обнаружил влечение к литературному творчеству, но его первые произведения не дошли до нас. В 1802 году Михаил отправляется в Петербург, где попеременно служит в канцелярии государственного казначея, в Сенате, Государственном ассигнационном банке, департаменте горных и соляных дел. В августе 1812 года юноша вступает в Петербургское ополчение и принимает участие в Отечественной войне. Загошкин был ранен под Полоцком и награжден за участие в боевых действиях орденом Святой Анны IV степени. После войны вернулся в свое родовое имение. Подлечившись, отправился в Петербург, где снова служил в упомянутом департаменте, потом — в Императорской публичной библиотеке и дирекции петербургских театров.

В 1815 году состоялся его литературный дебют: на столичной сцене были поставлены комедии «Проказник» и «Комедия против комедии, или Урок волокитам». В дальнейшем получили популярность у столичных театралов его комедии «Богатонов, или Провинциал в столице» (1817), «Деревенский философ» (1823) и др. С 1817 года модный драматург берется за издание журнала «Северный Наблюдатель». В 1820 году Михаил Николаевич переезжает в Москву, где получает место в управлении московских театров.

В 1829 году выходит из печати самое известное произведение Загошкина — роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году». Эта книга пользовалась огромным успехом среди читающей публики и была высоко оценена отечественной

критикой, в том числе и А.С. Пушкиным. В романе чувствуется влияние В. Скотта, особенно при изображении национального колорита, русского быта и нравов старины. Однако «Юрия Милославского» вряд ли следует считать настоящим историческим романом, прежде всего — из-за одностороннего изображения известных исторических деятелей и показа идеализированных отношений простонародья с боярами. В.Г. Белинский считал это сочинение только первым шагом на пути создания русского исторического романа. К сожалению, М. Загоскин не пошел по этому пути. Его следующий роман, «Рославлев, или Русские в 1812 году», отмечен консервативными монархическими тенденциями. За ложность мыслей и ситуаций роман раскритиковал П.А. Вяземский, а А.С. Пушкин даже начал писать своеобразный «антироман»: своего «Рославлева». Еще не стихла художественная полемика по «Рославлеву», как вышел новый роман Загоскина, «Аскольдова могила» (1833), сохранившийся в памяти потомков разве что из-за одноименной оперы А.Н. Верстовского (1835) на сюжет романа.

В 1833 году М.Н. Загоскина избирают действительным членом Российской академии, а в 1837 году назначают директором московских императорских театров. В 1842 году писатель занимает почетный пост директора Оружейной палаты в Кремле. Одновременно продолжает работать в жанре исторического романа, но поздние произведения писателя были далеки по своим художественным достоинствам от «Юрия Милославского» и не вызвали большого читательского интереса. М. Загоскин успел еще выпустить сборник бытовых очерков «Москва и москвичи» (1842–1850), дающий яркую картину жизни московского общества в середине XIX века. Умер писатель в Москве 23 июня (5 июля) 1852 года. В истории отечественной литературы Михаил Загоскин остался прежде всего автором очень успешного «Юрия Милославского» и спорного «Рославлева», который, тем не менее, был самым популярным романом о войне 1812 года до появления «Войны и мира». Исторические произведения Михаила Николаевича Загоскина и в наши дни вызывают большой интерес у читателей.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ М.Н. ЗАГОСКИНА

- «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829)
- «Рославлев, или Русские в 1812 году» (1831)
- «Аскольдова могила» (1833)
- «Кузьма Рощин» (1836)
- «Искуситель» (1838)
- «Тоска по родине» (1839)
- «Кузьма Петрович Мирошев» (1841)
- «Брынский лес» (1845)
- «Русские в начале XVIII столетия» (1848)

❧ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ❧

Никогда Россия не была в столь бедственном положении, как в начале семнадцатого столетия: внешние враги, внутренние раздоры, смуты бояр, а более всего совершенное безначалие — все угрожало неизбежной гибелью земле русской. Верный сын отечества, боярин Михайло Борисович Шеин, несмотря на беспримерную свою неустрашимость, не мог спасти Смоленска. Этот, по тогдашнему времени, важный своими укреплениями город был уже во власти польского короля Сигизмунда, войска которого под командою гетмана Жолкевского, впущенные изменою в Москву, утесняли несчастных жителей сей древней столицы. Наглость, своеволие и жестокости этого буйного войска превосходили всякое описание (1)¹. Им не уступали в зверстве многолюдные толпы разбойников, известных под названием запорожских казаков, которые занимали, или, лучше сказать, опустошали, Чернигов, Брянск, Козельск, Вязьму, Дорогобуж и многие другие города. В недалеком расстоянии от Москвы стояли войска второго самозванца, прозванного Тушинским вором; на севере — шведский генерал Понтиус де ла Гарди свирепствовал в Новгороде и Пскове; одним словом, исключая некоторые низовые города, почти вся земля русская была во власти неприятелей, и одна Сергиевская лавра, осажденная войсками второго самозванца под начальством гетмана Сапеги и знаменитого налета² пана Лисовского, упорно защищалась; малое число воинов, слуги монастырские и престарелые иноки отстояли

---

¹ Исторические замечания М. Н. Загоскина, помеченные цифрами, см. в конце книги.

² Так назывались в то время партизаны. — Прим. М. Н. Загоскина.

святую обитель. Этот спасительный пример и увещательные грамоты, которые благочестивый архимандрит Дионисий и незабвенный старец Авраамий рассылали повсюду, пробудили наконец усыпленный дух народа русского; затлились в сердцах искры пламенной любви к отечеству, все готовы были восстать на супостата, но священные слова: «Умрем за веру православную и святую Русь!» — не раздавались еще на площадях городских; все сердца кипели мщением, но Пожарский, покрытый ранами, страдал на одре болезни, а бессмертный Минин еще не выступил из толпы обыкновенных граждан.

В эти-то смутные времена, в начале апреля 1612 года, два всадника медленно пробирались по берегу луговой стороны Волги. Один из них, закутанный в широкий охабень¹, ехал впереди на борзом вороном коне и, казалось, совершенно не замечал, что метель становится час от часу сильнее; другой, в нагальном тулупе, сверх которого надет был нараспашку кафтан из толстого белого сукна, беспрестанно останавливал свою усталую лошадь, прислушивался со вниманием, но, не различая ничего, кроме однообразного свиста бури, с приметным беспокойством озирался на все стороны.

— Полегче, боярин, — сказал он наконец с некоторым нетерпением, — твой конь шагист, а мой Серко чуть ноги волочит.

Передний всадник приостановил свою лошадь; а тот, который начал говорить, поравнявшись с ним, продолжал:

— Прогневали мы господа бога, Юрий Дмитрич! Не дает нам весны. Да и в пору мы выехали! Я говорил тебе, что будет погода. Вчера мы проехали верст шестьдесят, так могли б сегодня отдохнуть. Вот уж седьмой день, как мы из Москвы, а скоро ли доедем — бог весть!

— Не кручинься, Алексей, — отвечал другой путешественник, — завтра мы отдохнем вдоволь.

— Так завтра мы доедем туда, куда послал тебя пан Гонсевский?

— Я думаю.

¹ Верхнее платье с длинными рукавами и капюшоном. — Прим. М. Н. Загоскина.

— Дай-то бог!.. Ну, ну, Серко, ступай!.. А что, боярин, назад в Москву мы вернемся или нет?

— Да, и очень скоро.

— Не прогневайся, государь, а позволь слово молвить: не лучше ли нам переждать, как там все уgomонится? Теперь в Москве житье худое: поляки бунят, православные ропщут, того и гляди, пойдет резня... Пстой-ка, боярин, пстой! Серко мой что-то храпит, да и твоя лошадь упирается, уж не овраг ли?..

Оба путешественника остановились; Алексей спрыгнул с лошади, ступил несколько шагов вперед и вдруг остановился как вкопанный.

— Ну, что? — спросил другой путешественник.

— Ох, худо, боярин! Мы едем целиком, а вот, кажется, и овраг... Ах, батюшки светы, какая круть! Как бог помиловал!

— Так мы заплутались?

— Вот то-то и беда! Ну, Юрий Дмитрич, что нам теперь делать?

— Искать дороги.

— Да как ее сыщешь, боярин? Смотри, какая метель: свету божьего не видно!

В самом деле, вьюга усилилась до такой степени, что в двух шагах невозможно было различать предметов. Снежная равнина, взрываема порывистым ветром, походила на бурное море; холод ежеминутно увеличивался, а ветер превратился в совершенный вихрь. Целые облака пушистого снега крутились в воздухе и не только ослепляли путешественников, но даже мешали им дышать свободно. Ведя за собою лошадей, которые на каждом шагу оступались и вязнули в глубоких сугробах, они прошли версты две, не отыскав дороги.

— Я не могу идти далее, — сказал наконец тот из путешественников, который, по видимому, был господином. Он бросил повод своей лошади и в совершенном изнеможении упал на землю.

— Уж не прозяб ли ты, боярин? — спросил другой испуганным голосом.

— Да. Я чувствую, кровь застывает в моих жилах. Послушай... если я не смогу идти далее, то покинь меня здесь на волю божию и думай только о себе.

— Что ты, что ты, боярин! Бог с тобою!

— Да, мой добрый Алексей, если мне суждено умереть без исповеди, то да будет его святая воля! Ты устал менее моего и можешь спасти себя. Когда я совсем выбьюсь из сил, оставь меня одного, и если господь поможет тебе найти приют, то ступай завтра в отчину боярина Кручины Шалонского, — она недалеко отсюда, — отдай ему...

— Как, Юрий Дмитрич! Чтоб я, твой верный слуга, тебя покинул? Да на то ли я вскормлен отцом и матерью? Нет, родимый, если ты не можешь идти, так и я не тронусь с места!

— Алексей! Ты должен исполнить последнюю мою волю.

— Нет, боярин, и не говори об этом. Умирать — так умирать обоим. Но что это?.. Не послышалось ли мне?

Алексей снял шапку, наклонил голову и стал прислушиваться с большим вниманием.

— Хотя б на часок затих этот окаянный ветер! — вскричал он с нетерпением. — Мне показалось, что налево от нас... Чу, слышишь, Юрий Дмитрич?

— В самом деле, — сказал Юрий, приподнимаясь на ноги, — кажется, там лает собака...

— И мне тоже сдается. Дай-то господи! Завтра же отслужу молебен святому угоднику Алексею... поставлю фунтовую свечу... пойду пешком поклониться Печерским чудотворцам... Чу, опять! Слышишь?

— Точно, ты не ошибаешься.

— А где лает собака, там и жилье. Ободришь, боярин; господь не совсем нас покинул.

Кого среди ночного мрака заставляла метель в открытом поле, кто испытал на самом себе весь ужас бурной зимней ночи, тот поймет восторг наших путешественников, когда они удостоверились, что-точно слышат лай собаки. Надежда верного избавления оживила сердца их; забыв всю усталость, они пустились немедленно вперед. С каждым шагом прибавлялась их надежда, лай становился час от часу внятнее, и хотя буря не уменьшалась, но они не боялись уже сбиться с своего пути.

— Кажется, недалеко отсюда, — сказал Юрий, — я слышу очень ясно...

— И я слышу, боярин, — отвечал Алексей, приостановясь на минуту, — да только этот лай мне вовсе не по сердцу.

— А что такое?

— Ничего, ничего; дай-то бог, чтоб было тут жилье!

Они прошли еще несколько шагов; вдруг черная большая собака с громким лаем бросилась навстречу к Алексею, начала к нему ласкаться, вертеть хвостом, визжать и потом с воем побежала назад. Алексей пошел за нею, но едва он ступил несколько шагов, как вдруг вскричал с ужасом:

— С нами крестная сила! Ну, так... сердце мое чуяло... посмотри-ка, боярин!

Человек в сером армяке, подпоясанный пестрым кушаком, из-за которого виднелась рукоятка широкого турецкого кинжала, лежал на снегу; длинная винтовка в суконном чехле висела у него за спиной, а с правой стороны к поясу привязана была толстая казацкая плеть; татарская шапка, с густым околышем, лежала подле его головы. Собака остановилась подле него и, глядя пристально на наших путешественников, начала выть жалобным голосом.

— Ах, боже мой! — сказал Юрий. — Несчастный, он замерз! — Забыв собственную опасность, Юрий наклонился заботливо над прохожим и старался привести его в чувство.

Этот плачевный вид, предвестник собственной их участи, усталость, а более всего обманутая надежда — все это вместе так сильно подействовало на бедного Алексея, что вся бодрость его исчезла. Предавшись совершенному отчаянию, он начал называть по именам всех родных и знакомых своих.

— Простите, добрые люди! — вопил он. — Прости, моя Маринушка! Не в добрый час мы выехали из дому: пропали наши головы!

— Полно реветь, Алексей, — сказал Юрий, — поди сюда... Этот бедняк еще жив, он спит, и если нам удастся разбудить его...

— Эх, родной! И мы скоро заснем, чтоб век не просыпаться.

— Не грехи, Алексей, бог милостив! Посмотри хорошенько: разве ты не видишь, что здесь снег укатан и наши лошади не вязнут: ведь это дорога.

— Дорога? Постой, боярин... в самом деле... Слава богу! Ну, Юрий Дмитрич, сядем на коней, мешкать нечего.

— А этот бедный прохожий?

— Дай бог ему царство небесное! Уж, видно, ему так на роду написано. Поедем, боярин.

— Нет, я попытаюсь спасти его, — сказал Юрий, стараясь привести в чувство полузамерзшего незнакомца.

Минуты две прошло в бесплодных стараниях; наконец прохожий очнулся, приподнял голову и сказал несколько невнятных слов. Юрий, при помощи Алексея, поставил его на ноги, но он не мог на них держаться.

— Ну, видишь, Юрий Дмитрич, — сказал Алексей, — нам с ним делать нечего! Поедем. Из первой деревни мы вышлем за ним сани.

— А пока мы доедем до жилья, он успеет совсем замерзнуть.

— Что ж делать, боярин: своя рубашка к телу ближе!

— Алексей, побойся бога! Разве ты не крещеный?

— Да послушай, Юрий Дмитрич: за тебя я готов в огонь и воду, — ты мой боярин, а умирать за всякого прохожего не хочу; дело другое отслужить по нем панихиду, пожалуй!..

— Молчи... и пособи мне посадить его на твою лошадь.

Алексей замолчал и принялся помогать своему господину. Они не без труда подвели прохожего к лошади; он переступал машинально и, казалось, не слышал и не видел ничего; но когда надобно было садиться на коня, то вдруг оживился и, как будто бы по какому-то инстинкту, вскочил без их помощи на седло, взял в руки повод, и неподвижные глаза его вспыхнули жизнью, а на бесчувственном лице изобразилась живая радость. Черная собака с громким лаем побежала вперед.

— Посмотри, боярин, — сказал Алексей, — Он чуть жив, а каким молодцом сидит на коне: видно, что ездок!.. Ого, да он начал пошевеливаться! Тише, брат, тише! Мой Серко и так устал. Однако ж, Юрий Дмитрич, или мы поразогрелись, или погода становится теплее.

— И мне то же кажется.

— Как бы снег не так валил, то нам бы и думать нечего. Эй ты, мерзлый! Полно, брат, гарцевать, сиди смирнее! Ну, теперь отлегло от сердца; а давеча пришлось было так жутко, хоть тут же ложись да умирай... Ахти, постой-ка: никак, дорога пошла направо. Мы опять едем целиком.

Тут налево от них послышался лай собаки; незнакомый поворотил в ту сторону.

— Куда ты, земляк? Постой! — вскричал Алексей, схватив за повод лошадь. — Или хочешь опять замерзнуть?

Но незнакомый махнул плетью и, протавив несколько шагов за собою Алексея, выехал на большую дорогу.

— Видишь ли, — прошептал он едва внятным голосом, — что моя собака лучше твоего знает дорогу?

— Эге, да ты стал поговаривать! Ну, что, брат, ожил?

Незнакомый не отвечал ничего и, продолжая ехать молча, старался беспрестанным движением разогреть свои оледеневшие члены; он приподнимался на стременах, гнулся на ту и другую сторону, махал плетью и спустя несколько минут запел потихоньку, но довольно твердым голосом:

Гой ты море, море синее!
 Ты разгулье молодецкое!
 Ты прости, моя любимая,
 Красна девица душа!
 Не трепать рукою ласковой
 Щеки алые твои:
 А трепать ли молодцу
 Мне широким веслом
 Волгу-матушку...

— Ого, товарищ! — сказал Алексей. — Да ты, никак, совсем оттаял — песенки попеваешь!

— Да, добрые люди, спасибо вам! Долго бы мне спать, если бы вы меня не разбудили.

— Откуда ты? — спросил Юрий. — И куда пробираешься?

— Из-под Москвы; а куда иду, и сам еще путем не знаю. Верстах в пяти отсюда неизменный мой товарищ, добрый конь, выбился из сил и пал; я хотел кой-как добрести до первой деревни...

— А кто ты таков?

— Кто я? Как бы вам сказать... Зовут меня Киршею; родом я из Царицына; служил казаком в Батурине, а теперь запорожец.

— Запорожец! — вскричал Алексей, отскочив в сторону.

— Да, — продолжал спокойно прохожий, — я приписан в Запорожской Сечи к Незамановскому куреню и без хвастовства скажу, не из последних казаков. Мой родной брат — куренной атаман, а дядя был кошевым.

— Помилуй господи! — сказал Алексей. — Запорожский казак и, верно, разбойник!

— Нет, товарищ, напрасно. В удалстве я от других не отставал, а гайдамаком никогда не был.

— Как же ты попал в здешнюю сторону? — спросил с любопытством Юрий.

— А вот как: я года два шатаюсь по белу свету, и там и сям; да что-то в руку нейдет. До меня дошел слух, что в Нижнем Новгороде набирают втихомолку войско; так я хотел попытать счастья и пристать к здешним.

— Против кого?

— А мне что за дело? Про то панство знает, была бы только пожива; ведь стыдно будет вернуться в мой курень с пустыми руками. Другие выставят на улицу чаны с вином и станут потчевать всех прохожих, а мне и кошевому нечего будет поднести.

— Зачем же ты не пристал к войску гетмана Жолкевского?

— Спроси лучше, зачем отстал?

— Так ты беглый?

— Кто? Я беглый? — сказал прохожий, приостановя свою лошадь. Этот вопрос был сделан таким голосом, что Алексей невольно схватился за рукоятку своего охотничьего ножа. — Добро, добро, так и быть, — продолжал он, — мне грешно на тебя сердиться. Беглый! Нет, господин честной, запорожцы — люди вольные и служат тому, кому хотят.

— Но разве вы не должны служить королю Сигизмунду?

— Должны! Так говорят и старшие, только вряд ли когда запорожский казак будет братом поляку. Нечего сказать, и мы кутили порядком в Чернигове: все божье, да наше! Но жгли ли мы храмы господни? Ругались ли верою православною? А эти окаянные ляхи для забавы стреляют в святые иконы! Как Бог еще терпит!

— Но все эти беспорядки скоро прекратятся: московские жители добровольно избрали на царство сына короля польского.

— Добровольно! Хороша воля, когда над тобой стоят с дубиною... нехотя закричишь: давай нам королевича Владислава! Нет, господин честной, не пановать над Москвою этому иноверцу. Дай только русским опериться!

— Но, кажется, дело кончено, и когда вся Москва присягнула польскому королевичу...

— Мало ли что кажется! Вот и мне несколько раз казалось, что там направо светит огонек, а теперь ничего не вижу.

— Огонь! Где ты видишь? — вскричал Алексей.